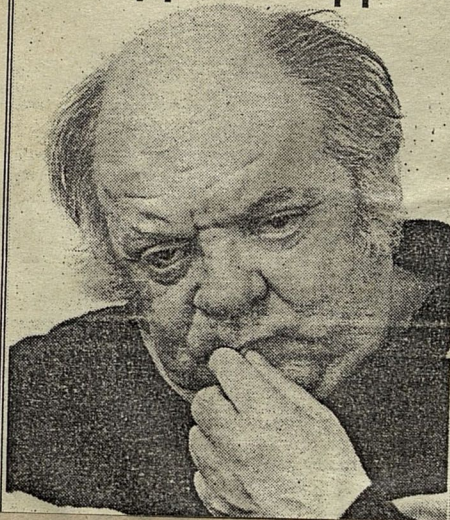

313

Моск. кассет. архив. - 1995. - 14 окт. - с. 1.

НАУМ КОРЖАВИН:

«Я ДОЖИЛ ДО СЕМИДЕСЯТИ ЛЕТ...»

Наум Коржавин. Поэт. Прозвище среди друзей — Эма. 20 декабря сорок седьмого года арестован. Основание: «писал и читал стихи антисоветского содержания». Впоследствии заменили на «идеологически невыдержан», отправлен в ссылку в Новосибирскую область. В 1973 году кибитками Аэрофлота отправили в Америку. О нем Сергей Довлатов писал много, но любимое — о коржавинских извинениях: «Извините, пожалуйста, но вы — дерьмо». Владимир Войнович вспоминает о домах, где был культ Коржавина. Его стихи и поэмы заучивали наизусть. До отъезда здесь — только книга «Годы». В Театре Станиславского — пьеса «Однажды в двадцатом», которая шла с аншлагами. В эмиграции — еще две книги стихов и статьи.

Мы позвонили Науму Коржавину в Бостон.

(Окончание на 7-й стр.)

Наум КОРЖАВИН:

Моск. кассет. архив. - 1995. - 14 окт. - с. 7.

«Я ДОЖИЛ ДО СЕМИДЕСЯТИ ЛЕТ...»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Наум Моисеевич, «МК» поздравляет вас с юбилеем. Как будете отмечать?

— Для меня устраивают в Бостонском университете вечер. На нем выступит Вячеслав Всеволодович Иванов, другие мои знакомые. А потом вечер перейдет в вечеринку. Многие не смогут на нем присутствовать — это же приезжать надо.

— А есть ли в Америке такая же литературная жизнь, как в Москве? Хотя бы то, что называется сейчас «тусовка»?

— Здесь своя, совсем другая жизнь: есть писатели, есть литература, а таких тусовок все-таки нет. Я в американской литературе не принимаю особого участия ввиду отсутствия знания языков. Есть, конечно, хорошие люди, с которыми я общаюсь. Мало, потому что я ориентирован внутренне на Москву. А другие, мне кажется, тоже внутренне ориентированы на Россию.

— У вас сейчас выходят новые книги?

— Пока нет. Выходит продолжение мемуаров в «Новом мире». Публикую статьи в российских газетах. Я не так много пишу, а все, что пишу, посылаю только в Москву.

— А в Москву собираетесь?

— Я собирался в самом близком времени, но у моих друзей, у которых я живу, заболела хозяйка дома. А я — тяжелый пассажир. Я же не просто в гости приезжаю, я в Москве живу подолгу, и вообще я — старый и слепой, почти слепой.

— Как вы живете в Америке?

— Мы живем в Бостоне уже двадцать два года. Снимаем квартиру, но она субсидируемая: государство нам часть оплачивает, так что мы платим дешевле, чем она стоит на рынке. По московским масштабам она называется трехкомнатной...

— А по американским?

— Двухспальная. Район совершенно обыкновенный, называется Брайтон. Здесь живут самые обыкновенные американцы. Я получаю пособие и живу только на него. А мои дела такие: сижу работаю в несколько замедленном темпе, пишу всякие статьи, пытаюсь закончить мемуары. Продолжить, вернее сказать, до конца еще далеко. Временами пишу стихи.

— Какое у вас настроение накануне семидесятилетия?

— Старость — что делать... Я работаю. Прожил я очень большую и длинную жизнь. Много я думал, видел, пережило много, потому что эпоха была не очень легкая и не очень тривиальная. От многого мне сейчас больно:

от того, что некоторые люди начинают оправдывать Сталина. От того, в какой ситуации находится Россия. Да и мир находится тоже не в очень хорошей ситуации, культурной. Потеря культурных ценностей — это не когда люди не знают, как писать, а когда люди не знают, как жить. И именно такую полосу мы переживаем сейчас.

— Наум Моисеевич, о вас говорят, что вам свойственна катастрофичность сознания. Вы разделяете это мнение?

— Понимаете, я больше настроен на гармонию, но я же не могу выдавать гармонию километрами только потому, что гармония — это хорошо. Гармония тоже чувство трагическое. Это ответ на трагедию, и она всегда должна быть. Но я не думаю, что мне свойственна катастрофичность сознания. Я убежден, что нам угрожает серьезная опасность.

— В чем, по-вашему, заключается эта опасность?

— Мы не понимаем, что государство историческое и что оно создавалось не в один день. Так просто экспериментировать с ним нельзя. Если мы захотим, чтобы Россия выжила и чтобы здесь все было в порядке, то будет. Не сразу, но будет. А если думать, что нас кривая вывезет, то я не верю в эту кривую.

— Зато у нас есть свобода слова.

— Кому нужна свобода слова? Да никому она не нужна. Сразу стали голые задницы показывать. России это не очень нужно. У нас или гадость, или хотя бы внешняя целомудренность. Я могу материться, и все будет нормально. А если я с экрана буду материться, все обидится.

— Про вас Сергей Довлатов писал, что вы очень любите обижать. Это правда?

— Довлатова я всегда считал очень хорошим писателем. Я ему говорил: «Сережа, вы очень талантливы. Зачем вам прохиндейством заниматься?». И он действительно становился все талантливее и талантливей. Но что значит обижать? Я не очень люблю обижать. А возвращаясь к тому, о чем написал Довлатов... Меня тогда обидели очень сильно. Все, что я о них говорил (об американских русистах — А. К.), чистая правда. Они объявили симпозиум русских писателей, а был обыкновенный американский симпозиум. И там все вертелось вокруг их любимца Лимонова. Я единственный сказал, как надо. Я сказал: «Лимонов жалует, что у него нет читателя, а они есть — американские русисты. А я пишу для людей, а не для русистов». Не в том смысле, что они не люди. А Довлатова это развлекало, по-моему.

— Подводя жизненные итоги, вы можете назвать себя счастливым человеком?

— Я всегда считал себя счастливым человеком.

— В тюрьме, в ссылке, когда вас не печатали...

— В самой ссылке, может быть, и нет, потому что я не знал, чем дело кончится. Хотя ссылка — не пустой период моей жизни, было интересно. Но вечно там я не мог быть: из меня мужик очень плохой. Мне было очень тяжело в жизни, но в целом я считаю себя счастливым человеком. Я дожил до семидесяти лет. Сколько моих одноклассников просто погибло: на войне, в лагере, от всяких пертурбаций. Я считаю, что моя жизнь сложилась счастливо, моей стране не очень повезло. Мне было тяжело, но я всегда оставался самим собой. А это очень трудно, как я теперь понимаю. У меня не было такого лозунга. Некоторые говорят, что я вел себя героически... А это все — муча. Я читал публично свои стихи в сорок четвертом году. И никакого героизма в этом не было. Я же не думал произнести этим революцию, просто я написал, и мне хотелось их читать. Я мог и не писать, и не читать. Но тогда бы меня не было.

— А жизнь под вечным дамокловым мечом... Это не было тяжело?

— Понимаете, после Сталина дамоклов меч почти не было. До того момента, когда показалось, что опять восстанавливается сталинщина. Было просто тяжело, что-то возмущало... Для меня самым страшным в то время было то, что Брежнев парализует возможности России к спасению. Надо было в тот момент спасаться, и можно было. Тогда это было легче сделать, чем в восьмидесяти годах, когда пришел Горбачев. У нас беда в чем? У нас всегда хотя бы идеального решения вопроса. В политике идеального не бывает. Одни говорят, что будет гармония. Не будет. Никогда. Потому и искусство, и творчество, что гармонии в жизни нет. Искусство — взгляд гармонии на негармонию.

Я молюсь каждый день за Россию. Они думают, что эту страну погубят и будут жить в другой. В какой? Они говорят, что мы за свободу и за демократию, но свобода и демократия в России должны быть, а не на небе. Если не будет России, на хрена ваша демократия?

Беседу вела Анна КОВАЛЕВА.
Фото Александра МЕЛЕЦКОГО.